

жесткий, он имеет четкую нравственную форму. Почему газеты и журналы классифицированы как средства? Есть средства от тараканов, от беременности, от потливости, от вшивости... А вы от чего средства? От информации? Нет больше журналистики и публицистики, остались средства.

— Что это вы так прессу невзлюбили?
— Вопрос не в симпатиях или антипатиях. Речь о профессионализме. Есть ведь и иные темы, кроме желто-скабрзных.

нии «Спор-клуб», о котором Сагалаев позже говорил, что его «12 этаж» вырос из моей педрачки.

Из чего растет нынешнее телевидение, я понятия не имею. Говорю об этом со знанием дела, я ведь некоторое время назад вынужденно оказался в роли зяядлого телезрителя. В конце прошлого года мне сделали серьезную операцию, и я на три месяца угодил на больничную койку. Какие развлечения в больнице? Книги да телевизор. Я смотрел все подряд, с утра до вечера шарил по каналам. Через пару дней на вопрос профессора о самочувствии я ответил: «Плохо». Врач встревожился, а я и говорю: «Дело не в операции. У меня болит не рана после скальпеля, а душа после телепередач». Оказывается, самая большая беда, которая грозит русскому народу, это кариес, самая большая радость — угаданная мелодия, самый дорогой подарок для любимой — «Ойл оф юлэй», самая необходимая вещь в быту — памперсы и гигиенические прокладки... Мне вдруг стало ясно, что либо это телевидение от другого народа, или же этот народ от другого телевидения.

Конечно, все закономерно: зритель ведь не платит за то, что ему показывают. Право решать, что крутить по ящику, принадлежит не нам. Поэтому я хочу обратиться к людям: дорогой мой народ, давайте заплачим кто сколько сможет и закажем музыку по своему, а не ИХ вкусу. Пусть ОНИ зависят от нас, а не наоборот.

— Да-да, если люди полгода не получают зарплату, им только и остается, что оплачивать телевидение.

— А вы и рады воспользоваться ситуацией! Не только телевидение — все вы, средства массовой информации. Кстати, вы вдумывались в это словосочетание? Русский язык — он очень

летних граждан, то получится, что каждый четвертый из них не имеет крыши над головой.

Да, мы успешно разогнали пионерию и комсомол, наверное, они того заслуживали, поскольку были в первую очередь идеологическими организациями. Но, как говорил Петр Вяземский, на Руси есть спасение от дурных приказов — дурное их исполнение. В последние десятилетия вся идеологическая обработка сводилась к тому, что вступающего в ряды ВЛКСМ просили назвать ордена комсомола, причем ответа на вопрос не знал не только отвечающий, но и спрашивающий... Нет, комсомол был не так уж страшен. Но уж коль его развалили, нужно было дать

тмя взамен что-то другое. А мы не дали... Расскажу один случай. Я искал помещение для студии нашего прекрасного мультипликатора Юрия Норштейна. Люди, которым я поручил поиски, через день прибежали ко мне с сияющими глазами и докладывали: «Есть!» Я задавал всего один вопрос: «Что в этом здании было раньше?» Следовал ответ: детский садик. Или — ясли. Или — дом пионеров. В конце концов, я не выдержал и стал орать: «Убью!» Понимаете, первыми на улицу выкинули детей. Ребяты оказались самым беззащитным собственником, поэтому в первую очередь перешли в руки другим хозяевам детсады, пионерлагеря...

— Это звучит страшно, но я свою родную страну называю бездетной.

— Откуда в вас, Ролан Антонович, это желание всему давать определение?

— Наверное, я сын своего отца. Батя любил повторять: «Есть два мнения: одно — мое, второе — глупое». Отец до девяноста двух лет работал, не уходил на пенсию. Это был человек серьезный, перечить ему смысла не име-

ло. Мама папу называла ужасом мира и злом природы. И то сказать: девочка из интеллигентной семьи, пишущая стихи и читающая по-французски, вышла замуж за буденновского эскадронного комиссара и поехала вслед за ним. Вместе кочевали по фронтам гражданской войны. Мама была красивой — до ста чертей! Когда я показываю старые фото, никогда не говорю, что она моя мама. Все равно никто не поверит, достаточно на мою рожу посмотреть — ничего не отпечаталось.

Когда отец привез маму в Туркмению, мулла прислал караван верблюдов, груженных товаром: «Продай жену!» Папа рассчитался с муллой. Рассчитался, как мог только папа...

— Кто вашего отца из Антона в Анатолия переделал?

— Мент пьяный! Кто еще мог в метрике вместо Ролана Антоновича написать Роланд Анатольевич? И дня рождения из-за этого же у меня два — один фактический, второй по паспорту. Все пьянка российская...

— Лена — это, надо полагать, Елена Всеволодовна Санаева, ваша жена?

— Других Лен в моей жизни нет...

Был такой случай. Я устал от Лениной опеки и сбежал от нее на ипподром, куда никогда не ходил и где, по моим расчетам, Лена никак не могла меня найти. Сел я за столик, ну и... все такое. И вдруг в ресторан входит она — красивая, стройная, молодая. Я поклялся себе: сделаю все, чтобы быть достойным ее. Пить бросил, потому что понял: если не остановлюсь, потеряю семью.

Недавно Лена мне говорит: «Роланчик, через два года наша серебряная свадьба». Я чуть со стула не упал. Оказывается, мы вместе уже больше двадцати лет. Вот это раскат времени! А у меня такое ощущение, словно мы вчера с ней познакомились, и сейчас в деталях помню ту встречу.

Меня утвердили на главную роль в картине, а в партнерши выбрали Лену. Я ее до этого в глаза не видел, но то, что она дочка Санаева, мне сразу не понравилось. Всеволода Васильевича я уважал и ценил, однако всех этих папиных дочек и сынков не любил. Впрочем, тут делать нечего — звоню: так, мол, и так, вместе летим на съемки. А Лена мне заявляет: «Я не летаю, поеду поездом». Ах ты, думаю, звезда! Самолеты тебя не устраивают! Во мне выиграл пролетарский дух мальчика с Зацепы, я швырнул трубку, затем тут же позвонил режиссеру и сказал: «Кого ты мне в напарницы выбрал? Давай мне Булгакову или Овчинникову. Я с ними уже играл, а эту твою девочку не знаю и знать не желаю». Режиссер не стал со мной спорить: «Сделаю, как хочешь».

Прихожу на студию и вдруг вижу красавицу с огромными глазами, в которые я просто провалился.

Чистое очарование! Кто такая, спрашиваю. Та самая Елена, которую ты забраковал. «Все, — говорю, — отправляйте Булгакову, возвращайте Санаеву».

Так вы полетели или поехали?
— Я полетел, Лена поехала... На той картине мы и сошлись. Фильм был ужасный, это един-

ственная моя роль, которой я стыжусь, но я благодарен судьбе, что она подарила мне встречу с Леной.

Когда мы только поженились, меня в разных компаниях несколько раз встречали фразой: «Здравствуйте, Ролан Антонович! Какая у вас чудная дочка!» Представляете, что со мной происходило? Я в бешенстве шипел: «Лена, купи себе что-нибудь солидное. Не ходи девочкой». А как-то была девочка! Правда, меня по-прежнему тяготила ее фамилия, но ничего — привык.

— Это правда, что сын Елены Всеволодовны закатывал ей истерики из-за того, что та променяла его на маленького лысого кровиюлицу, то есть на вас?

— Очевидно, вы прочитали повесть Пашки в «Октябре»? Да, было время, когда мальчик испытывал ко мне дикую ненависть, он искренне считал, что я отнимаю у него мать. Ничего, ребенок подрос, и мы стали с ним прекрасными друзьями. Кстати, это я помогал Пашке делать первые шаги в литературе, а сегодня он получил в журнале премию как автор лучшего прозаического произведения года. Талантливый парень! Он ведь попробовал себя в актерской профессии, сыграл две главные роли в полнометражных картинах, теперь обратился к литературе, пишет новый роман. Он многого добьется, уверен.

— А как успехи у старшего сына?

— К сожалению, я воспитал Олега для той самой жизни, где человек выше денег. Ему уже больше сорока лет, а он так и остался ребенком. Помню, на съемках «Айболита-66» Олег увидел цирковых артистов и решил, что это его призвание. Цирковое училище — и ничего другого! Поступил. Как-то приходит ко мне светящийся от счастья: «Отец! Я сделал двойное сальто. Значит, к концу жизни освою тройное!» В тот же момент я понял: Олег не артист цирка... Правда, учеба не прошла даром. Хиленький мальчик превратился в настоящего атлета, который мог постоять за себя и за окружающих. Когда Олега призвали в армию, он мигом поставил на место «дедов». Потом оградил от нападков всю свою роту.

— Говорите: жить не умеет?
— Я сказал, что в денежных вопросах Олег плавает. «Отец, ко мне пришел мужик и стал советовать, как лучше повернуть левую сделку, чтобы прикарманить чужие деньги». Спрашиваю: «И что ты?» Отвечает: «Отлупил его!» Разве так себя ведут сегодняшние бизнесмены? Господи, до чего же Олег в этой жизни ни причем! А ведь закончил экономический факультет ВГИКа и упорно пытается заняться бизнесом.

— Помогаете выбраться на путь истинный?

— Я упорно пытаюсь исповедовать свою религию, по которой человек сам должен найти свой путь и помогать ему не только не нужно, а даже вредно.

Главное — быть вместе, чувствовать себя одной семьей. ...Хотя для нас прошедший год стал годом смертей. Сначала умерла Ленина мама. Потом фактически у меня на руках скончался Всеволод Васильевич. Когда мы поняли, что надежды на выздоровление нет, забрали его из больницы: «Пусть умрет дома». Всеволод Васильевич ушел из жизни тихо, я даже ничего не заметил. Мне казалось, он спокойно спит, а Санаев уже не дышал...

В 96-м похоронили и мою мать... Жутко, но я до сих пор все время порываюсь ей позвонить. Подумаю о чем-нибудь, случится в моей жизни что-нибудь и — первая мысль: «Надо маме рассказать». А потом, словно токком: мамы нет. Страшно в 67 лет оказаться сиротой...

— Может, 97-й станет вашим годом?

— Ну да: год Быка, а я Быков... Я никогда не загадываю, но если год и окажется удачным, то не из-за сходства имен и названий. Мною сделано достаточно, чтобы судьба улыбнулась мне. Я это заслужил. А удары — я с детства привык их держать. Удел Малышки — получать и идти дальше.

Андрей ВАНДЕНКО.

ТОПОД БЫКОВА